

Могучий талант

(К 145-летию со дня рождения А. С. Грибоедова)

«Грибоедов принадлежит к самым могучим проявлениям русского духа».

В. Г. Белинский.

«Догадал меня чорт родиться в России с умом и талантом...» писал А. С. Пушкин в ту мрачную пору крепостнической — дворянской России. Это была жуткая и жестокая пора в истории общественно-политического развития России конца XVIII века, эпохи усиливающегося крушения господствующего дворянского общества. Безмерную тяжесть этого периода с болезненной остротой испытывали на себе все лучшие, передовые люди русского общества, дерзнувшие выразить в своих бессмертных творениях всю свою неудовлетворенность старым, всю свою озлобленность против своего же собственного класса.

Эта святая неудовлетворенность жизнью объединила потом, четверть века спустя, лучшие устремления декабристов там, на Сенатской площади старого Петербурга, и то же пламенное чувство негодования двигало рукою солнечного Пушкина, тоже задыхавшегося в тисках жестокой эпохи, когда он писал друзьям-декабристам свое вдохновенное «Послание в Сибирь».

Начиналась схватка зарождавшейся буржуазии с отживающим свой век феодальным дворянством. Замкнутое в самом себе, ограниченное государственное хозяйство помещичьей России трещало по всем швам и разорялось. Дворянство, и без того уже существовавшее за счет крестьянства, начало еще сильнее дуть на народ путем самого беззастенчивого выколачивания дополнительных «средств к существованию». А наступающая эпоха капитализма приносила с собою новые связи с Западом, новые нравы и новые тенденции — перестроить жизнь на европейский лад. Но коль скоро процесс этот, вообще говоря, носил довольно поверхностный, чисто внешний характер чего-то показного, — многие «европеивовавшиеся» дворяне напоминали мольеровского бессмертного мешанина

во дворянстве, ничего толком не смыслившего ни в дворянстве периода его расцвета, ни в культуре.

Разаумеется, это не могло не вызвать чувства самого горячего негодования в умах и сердцах лучших людей своего времени, души которых были преисполнены глубочайшей скорби за судьбы народа и — презрения и озлобленности против представителей своего же класса за их рабское преклонение перед Западом и немумное подражание внешним формам европейской культуры.

Александр Сергеевич Грибоедов — человек блестящего и глубокого ума, был одним из тех людей, которые кипели ненавистью и отвращением к этой фальши в быту и в сознании своего класса. Один из умнейших людей своего времени, человек просвещенный и многогранный, Грибоедов представляется нам, как явление совершенно исключительное, не имеющее себе подобного во всей истории русской культуры. Его общественный облик чрезвычайно глубок и сложен. С одной стороны, это — блестящий тип спокойного, уравновешенного царского дипломата, человека, проделавшего в течение каких-то коротких десяти лет головокружительную карьеру от простого, рядового чиновника департамента до полномочного представителя царской власти в Персии. С другой же стороны, это — какой-то клокочущий вулкан еле сдерживаемых страстей, могучий, сверкающий, бичующий талант, какой-то фанатичный обличитель мерзкой пустоты и пошлости нравов и моральных устоев своего общества.

В сердце его кипит благородная ненависть ко всему, что уродует ясный и светлый образ человека, рожденного для гармонического расцвета его душевных качеств, для борьбы со всякой нечистью, омрачающей жизнь человеческого общества.

Но в том же сердце зреет и точит его столь же ясное сознание бесплодности этих усилий отдельных, хотя бы даже и светлых умов.

Как писатель, как боец против мерзости общественного бытия, Грибоедов не мог не бичевать все то зло, которое раз'едало организм русского общества первой четверти XIX века. Так родилась его бессмертная комедия «Горе от ума» — лучшая русская комедия наряду с «Ревизором» Гоголя. (Кстати, здесь можно упомянуть, что впервые комедия «Горе от ума» была сыграна в Ереване в 1827 году в бывшем дворце Сардара). Страстность, с которой он в этой комедии бичует пороки и недостатки своего общества, поистине беспримерна в истории русской литературы. Со всем молодым жаром и темпераментом своего пламенного сердца и трезвого ума он бросается в бой, и бичующая рука его поистине не знает промаха. Все эти фамусовы, скалозубы, молчалины, репетилы — все без исключения — получают должное и, будучи зло и убийственно осмеяны, обращаются в бессмертные типы, в собирательные образы, которые никогда не потус-

кнеют и будут жить в веках до тех пор, пока коммунистическое общество не вытравит из глубины человеческой души все, даже самые последние остатки подхалимства, угодничества, лести, продажности чувств, подлости и беспринципности.

Но как спокойный и трезвый политический деятель, как ясный и критически мыслящий ум, Грибоедов не мог не понимать всю тщету своих единичных усилий, не мог не видеть ту толстую, непроницаемую стену из тупорылых обывателей во дворянстве, которая так угрожающе сомкнулась вокруг Чацкого, как только тот начал с молодым задором метать свои громы и молнии в самую сердцевину этого, насквозь прогнившего общества.

Это общество тотчас же объявило его сумасшедшим, ибо то, что говорил он, этот чистый душой и сердцем человек, было безумием для общества, в котором господствовали принципы подлейшей морали молчалиных и фамусовых.

Да что это общество, когда даже сам великий и «неистовый Виссарион», светлейший глава русской критики — Белинский — и тот, в своей большой статье, посвященной анализу «Горя от ума», пришел к тому выводу, что Чацкий попросту неумный человек, ибо попусту и напрасно мечет свой бисер перед ничего не понимающими свиньями, не задумываясь о том, к месту ли его речи и уразумеет ли их смысл хоть одна живая душа!

Белинский, как и многие другие современники Грибоедова, проглядел одну, совершенно ясную очевидность. Что касается самого Грибоедова, он, разумеется, отлично понимал, что умному человеку нет нужды откровенничать там, где самая откровенность почитается за безумие. Недаром же он писал в одном письме следующие горькие слова: «Кто нас уважает, певцов, истинно вдохновенных в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов?» И, конечно же, сам Грибоедов так никогда не поступал и при иных цензурных условиях и Чацкого не заставил бы метать свой изумительный бисер перед свиньями.

Но Грибоедову надо было найти некую компромиссную форму для то-

го, чтобы получить хоть какую-либо возможность высказать свое взволнованное слово горячего осуждения в лицо своему же обществу. Ему, переживающему с трагической болью сознание ненужности ума в России того времени, было необходимо нанести изобличительный удар по этому обществу, где молчалины ценятся дороже чацких, и этот удар мог быть нанесен только и только в такой форме.

Пусть кажется многим, что с точки зрения ума практического вовсе не умен этот пылкий юноша с горящими глазами, чуть свет примчавшийся с корабля в дом своей возлюбленной для того, чтобы рассказать ей, как он любит ее и как тяжело ему было в разлуке с нею. Пусть кажется многим, что и впрямь есть нечто, граничащее с безумием в его словах и страстных филиппиках, обращенных к Фамусову, к Софье и ко всему московскому обществу.

Что же из того? Разве в этом главное?

Самое основное ведь в том, именно, что Чацкий, действительно, умен, ибо он выше и глубже своей среды, ибо он, критикуя и беспощадно разоблачая всю пошлость и мерзость жизни этой среды, видит перед собою нечто новое, более высокое и уже не может удовлетвориться тем, чем живет этот затхлый мир некогда близких людей. Он видел другие края и народы, он приобщился к иной культуре, он весь преисполнен ее благотворного воздействия, и жизнь, что ранее была и его колыбелью, ныне поражает его сознание своей глубокой порочностью.

И накипают в сердце горячие и страстные слова, которые должны быть высказаны — не им, всем этим фамусовым и молчалиным, нет! — а поколению новому, растущему, лучшему, — высказаны, как сигнал тревоги, как знак вдохновенного предупреждения, как братский клич измученного сердца — искать новые, лучшие пути, критически относиться к блеску и мишуре жизни отцов своих и не идти проторенными путями в то же смерлящее болото, в котором погибла уже не одна Софья!... И даже — не один Чацкий!...

Могучий, сверкающий талант и острый ум Грибоедова сделали то, что он, ничем особенным не нарушая канонов современной ему комедии, сумел влить в эти довольно незатейливые по сути дела формы такое взрывчатое содержание, такую жестокую и едкую правду о своем уродливом времени, что вот прошло уже сто с лишним лет, а эта небольшая книжечка с единственной комедией автора все еще продолжает играть свою социально-изобличительную роль.

Вот почему, проглядев в Чацком его страстный ум, всей вдохновенностью своей обращенный к частым, неопороченным еще сердцам своего мрачного времени, тот же Белинский прекрасно понял огромную силу и значение Грибоедова в общественной жизни России. «Грибоедов, — писал он, — принадлежит к самым могучим проявлениям русского духа. В «Горе от ума» он является еще пылким юношей, но обещающим сильное и глубокое мужество, — младенцем, но младенцем, задушающим, еще в колыбели, огромных змей, младенцем, из которого должен явиться дивный Иракл».

11 февраля 1829 года, едва достигши 34-летнего возраста, Грибоедов был растерзан в Тегеране толпой фанатично-обезумевших персов, перебивших почти всю русскую миссию.

«Дивный Иракл», не совершив более ничего, погиб в том самом возрасте, когда только и начинают по-настоящему зреть и наливаться лучшие творческие силы, для могучей созидательной работы. Роковая петля, удручившая многие светлые умы русского народа XVIII и XIX веков, затянулась и вокруг его шеи. Тело Грибоедова было изуродовано и разрублено. Но ослепительно-яркая душа его, блистательнейший сколок ее — его чудесная комедия — еще живет и будет долго еще жить в памяти благородных потомков и в горячих и трепетных сердцах новых людей, вбивших осинный кол в могилу фамусовско-молчалинского общества.